

УДК 821.51

Е.В. Косинцева,

В.Л. Сязи

**Образ Возлюбленного в прозе Е.Д. Айпина
(на материале книги «Река-в-Январе»)**

Аннотация. Образ Возлюбленного – это вторая грань лирического образа в творчестве хантыйского прозаика Е.Д. Айпина, при осмыслении образной системы произведений писателя с точки зрения гендерного подхода. Образ Возлюбленного придает повествованию особый лиризм, отражает этнически не характерный для северных этносов стереотип поведения. В художественных текстах Айпина он создается с опорой на общелитературные традиции. Средства создания художественного образа в тексте указывают на неразрывность связи Возлюбленный – Влюбленная. Общая характеристика образа лучше всего раскрывается только при сопоставительном анализе раннего и позднего творчества писателя.

Ключевые слова: Е.Д. Айпин, лирический образ, Влюбленный, хантыйская литература.

E.V. Kosintseva,

V.L Syazi

**The image of the beloved in the prose of E.D. Aipin
(on the material of the book «River-in-January»)**

Summary. The image of the Beloved is the second side of the lyrical image in the creative work of Khanty prosaist E.D. Aipin, in the process of the writer's works in the context of the gender approach. The image of the Beloved gives a special lyricism to the narration, reflects the manner ethnically not characteristic to the northern ethnic groups. In the works of Aipin it is created with the support of literary traditions. Means for creating an artistic image in the text point to the continuity of connection Beloved – Enamoured. General characteristics of the image is better revealed only in comparative analysis of early and late writer's creative work.

Keywords: E.D. Aipin, lyrical image, the Enamoured, Khanty literature.

Образ Возлюбленного – вторая ипостась лирического образа (при гендерном подходе к анализу образа) в творчестве хантыйского прозаика Е.Д. Айпина. Он возник не впервые в книге писателя «Река-в-Январе». Айпин обращался к нему ранее в повести «В ожидании первого снега» (Алексей Иванович), в романе «Божья Матерь в кровавых снегах» (Чухновский). В книге «Река-в-Январе» он четко просматривается в рассказах «Осень в твоём городе», «В полете в бездну», «Парижанка».

Образ Возлюбленного придает повествованию особый лиризм, отражает не характерный для северных этносов стереотип поведения. В художественных текстах Айпина он создается с опорой на общелитературные традиции.

Е.С. Роговер и С.Н. Нестерова в монографии «Творчество Еремея Айпина», говоря об отношениях героев повести «В ожидании первого снега», отмечают: «Присущ писателю и тонкий лиризм, который проявился в эскизно набросанной истории отношений Микуля

и Нади и пунктирно намеченной линии душевной привязанности тети Веры и Алексея Ивановича. Воспроизводя эти интимные связи своих персонажей, Айпин проявляет большую сдержанность и деликатность, нигде не опускаясь до откровенной эротики» [1, 34].

В статье Ольги Рычковой «Уносимые ветром» читаем: «<...> сборник пронизан не только печалью по поруганной, искореженной природе. Прологом к нему стали две строчки: «Он любил – / И был любим». Это рассказы о любви – мимолетной и вечной, о проходящей жизни, в которой так много хочется вернуть и исправить, своей грустной и нежной тональностью напоминающие акварельные зарисовки. Помимо обычных человеческих персонажей в них действуют любовь и время. Враги и союзники. Ветер времени бросает людей в объятия друг друга, сбивает с ног, сулит неизбежную разлуку. <...> В рассказе «В мир вечного покоя» сильный ветер «то с холодным дождем, то со снегом» – тоже предвестник любви и грядущего расставания» [2, 42].

О рассказе Айпина «Осень в твоём городе» Татьяна Кунык говорит: «Рассказ «Осень в твоём городе», написанный в 1993 году, сближается с жанром лиро-эпической прозы. Предельная простота и лаконичность предложений, интимный характер повествования относят его к стихотворению в прозе. Лиризм и медитация позволяют зазвучать скрытому внутреннему голосу лирического героя

«Ты помнишь ту Осень?

Я приехал к Тебе...» <...>

Подчеркивая интимно-личный характер повествования, автор не называет имен: «мне не хочется, чтобы кто-то узнал Твой город... он принадлежит только Тебе...» <...> Власть героини над лирическим героем усиливается – осень, пронизывающая насквозь город, не может пробить границы их мира: «мне рядом с тобой было тепло... я не чувствовал ни холода, ни ветра, ни слякоти на земле» [3, 42].

Образ Возлюбленного в прозе писателя более конкретизирован, по сравнению с Влюбленным. Стоит отметить, что во всех произведениях автора, где присутствует образ Возлюбленного, Айпин использует для героя имена собственные. В повести «В ожидании первого снега» – Алексей Иванович, в романе «Божья

Мать в кровавых снегах» – Владимир Васильевич Чухновский. В рассказе «Старшой» – Никита, в рассказе «В полете в бездну» – Иван Андреевич. Хотя в отдельных случаях автор вновь прибегает к обобщению, используя вместо собственных имен героев личные местоимения, например, в рассказе «Парижанка» автор употребляет местоимение третьего лица ОН, а в рассказе «В мир вечного покоя» местоимение первого лица – Я.

Интересна и трансформация лирического образа. Образ Возлюбленного в произведениях писателя не имеет портрета, но можно увидеть отдельные детали, выделяющие героя из общей массы и формирующие субъективное представление о чертах характера героя. Героя, как правило, мы видим глазами влюбленной женщины. В повести «В ожидании первого снега» об Алексее Ивановиче читаем: «<...> человек лет сорока, худощавый, с пышными пшеничными усами. <...> В светло-серых глазах Алексея Ивановича вспыхнули лукавые огоньки. Резче обозначились лучики морщин» [4, 43], «<...> лукаво-проницательная улыбка» [4, 45]. В рассказе «В полете в бездну» автор рисует внешний облик Ивана Андреевича: «<...> туловище было длиннее, чем ноги» [5, 67], «<...> всегда чисто и элегантно одетый, побритый и подстриженный, внимательный и доброжелательный, весь излучающий особое притягивающее тепло» [5, 67]. В рассказе «Старшой», относящемся к раннему творчеству писателя, Айпин наделил героя отличительной деталью: «В четырнадцать лет он уже хорошо знал устройство всей «техники», бывшей в деревне, начиная с электростанции и кончая киноаппаратурой в клубе. Через год собрал свой первый двигатель из металлолома. Поработал он всего минуты две-три – разлетелся на куски. Но память оставил – рваный шрам на левой щеке» [6, 61].

Во всех рассказах автор дает четкое представление о роде занятий Возлюбленного. В рассказе «Старшой» герой – дизелист, в «Парижанке» – писатель, «В полете в бездну» Иван Андреевич – глава района, в повести «В ожидании первого снега» Алексей Иванович – мастер, Чухновский в романе «Божья Мать в кровавых снегах» – командир отряда Красной армии, в рассказе «В миречно-

го покоя» – исследователь. Профессии героя во многом помогают понять характер Возлюбленного.

В большинстве произведений Возлюбленный немногословен, больше слушает, чем говорит. Это качество диктует профессия, требующая внимательности и сосредоточенности. Немногословность Возлюбленного влияет и на структуру текста. Так, в произведениях минимизированы диалоги, вербальное общение героям заменяют невербальные или интуитивно-осознаваемые формы передачи информации (телефон, письма, взгляды, тактильные ощущения и проч.). Образ Возлюбленного влияет и на характер речи героев. Герои Айпина скупы на слова, проявление эмоций, так как в межличностных отношениях, выстраиваемых героями художественных текстов писателя, мужчина является объектом обожания. В героях преобладают разум над чувствами, практические ценности важнее чувств героини. Так, в рассказе «Парижанка» героя интересует больше качество и состояние переводов его работ, выполненных Вирджинией, чем чувства, которые женщина испытывала к автору творений, которые переводит.

Семейное положение лирического героя не всегда четко определено в произведениях. Интересно, что во многих произведениях Айпина влюбленная героиня – замужняя женщина: «<...> Вирджиния вышла замуж не так давно» [5, 189]; «И хотя ты выглядела совсем юной девушкой, но уже была не свободна. Впрочем, все красивые рано теряют свободу» [5, 125].

Автор ничего не сообщает о семье Возлюбленного в романе «Божья Мать в кровавых снегах», как и в рассказе «Парижанка», невольно складывается впечатление, что герой одинок и свободен. В рассказе «В мир вечного покоя» – герои встречаются только во время командировок: «Ты бывала в моем городе нечастыми наездами <...> Через несколько дней мы выбрались в ближайший город. Там расстались. Ты полетела в свой, я – в свой» [5, 128]. Женат герой в рассказе «В полете в бездну»: «<...> он размышлял о том, как отвести несчастье от своих ближних. Он разом вспомнил всех. Детей, внучат и супругу, невестку и зятя, сестру и всех племянников»

[5, 53], но несмотря на это, герой – воплощение образа Возлюбленного. Не живут вместе супруги, но любовь еще живет в сердце Никиты к жене Татьяне в рассказе «Старшой».

Встречающиеся в художественных текстах писателя детали портрета героя, указания на возраст Влюбленной дают возможность определить и годы Возлюбленного. Никите в рассказе «Старшой» всего двадцать шесть, Ивану Андреевичу «только перевалило за шесть десятков лет» [5, 58], Чухновскому около тридцати. Возраст Алексея Ивановича в повести «В ожидании первого снега» можно предположить – в соответствии с возрастом Влюбленной «женщина лет сорока пять» [4, 21].

Создавая образ Возлюбленного, Айпин раскрыл любовь не только ровесников, но влюбленность юной девушки в пожилого мужчину, подтвердив высказывание: «Любви все возрасты покорны». Возможно, автор так показал категорию счастья, которая характерна для женщины, – влюбленность в запретное. Вирджиния – героиня рассказа «Парижанка» – влюбляется скорее в творчество писателя, в созданных им героев, нежели в самого создателя. Женщина выходит замуж, возможно, от безысходности, а писатель в данном рассказе становится вдохновением – музой Вирджинии. Для Джулиана – мужа Вирджинии – она сама является музой: «<...> Вирджиния вышла замуж не так давно. У Джулиана это вторая семья. Он вдвое старше своей жены. Что их связывает, трудно догадаться. Чужой дом – потемки. Чужая семья – тоже потемки. Может, она и на самом деле нужна Джулиану как муза. Не жена, а муза. Муза вдохновляющая. Без музыки в творчестве совершенно нечего делать. Уж шедевра без музыки точно никогда не сотворить» [5, 189], но чувств взаимной любви между героями нет. Влюбленный герой воспринимает любящую женщину как музу: «В чертах твоего лица, в цвете глаз и волос, в жестах, в манере речи, в походке, в мироощущении много было от очаровательных муз девятнадцатого века, от эпохи Пушкина» [5, 127], как королеву: «<...> и она, плавно и мягко, словно королева, опустилась на сиденье» [5, 187], как лесную фею: «Ты напомнила мне лесную фею из сказки» [5, 63], как царицу: «<...> плывет как царица» [5, 167].

Счастьем для Ирины, героини рассказа «В полете в бездну», становится ночь, проведенная с любимым человеком. Девушка перенесла любовь к отцу, которого она не помнила, на любовь к Ивану Андреевичу: «Ирина нуждалась в особом внимании. Считай, выросла сиротой. Отец погиб на охоте. А у матери совсем, мягко говоря, нескладно сложилась жизнь. Девочка росла у бабушки» [5, 63].

Влюбленные героини, так же как и Влюбленный, сдерживают свои чувства, не признаются в любви мужчине. Это наблюдается во всех произведениях автора. Любовь запретная присутствует у Айпина ни в единичном случае. Влюбленные героини, замужние женщины, питают чувства к постороннему мужчине, а не к мужу. В ранних рассказах это обстоятельство не пугает героя: «И хотя ты выглядела совсем юной девушкой, но уже была не свободна. Впрочем, все красивые рано теряют свободу. Это, конечно, меня немного огорчило. Но я знал, что все равно ты будешь моей» [5, 125], а в более поздних – автор декламирует: «Держитесь подальше от малознакомых женщин» [5, 189]. Лишь в рассказе «В полете в бездну» для героя была тайной многолетняя влюбленность в него молоденькой девушки. Свои чувства девушка открывает на пороге смерти: «Влюбленная была. В одного. Единственного. Хотел, чтоб внимание обратил <...> Я хотела... Чтобы вы знали, что вас любили. Любили» [5, 69], Иван Андреевич поддается искушению, находя в юной девушке утешение на пороге неизбежности, предзнаменованной глухарем-шаманом.

Образ Влюбленной созвучен Возлюбленному в прозе писателя. Героини Айпина не многословны, женщины привязаны к Возлюбленному. Свои чувства женщина проявляет в заботе о нем: «<...> тетя Вера, когда меняла белье разведчикам, оставляла самые чистые и отутюженные простыни и наволочки только одному человеку – Алексею Ивановичу» [4, 97], «Прогреться бы надо. <...> И на холод не надо ходить» [7, 55]. Влюбленная женщина замечает каждую мелочь, которой отдает предпочтение Возлюбленный: «Мясо было сочным, с красной сукровицей внутри. Оно было приготовлено так, как обычно предпочитал гость. Он не был гурманом и пище не прида-

вал большого значения. <...> А сейчас невольно подумал про Вирджинию, откуда она знает его вкусы. Ведь встречались всего два-три раза на больших международных форумах, где общались очень мало, между делом, в извечной суете и дефиците времени» [5, 188].

Влюбленная героиня в произведениях Айпина жертвует семьей ради любви: «Только намного позже я понял, что с того мгновения у тебя не стало мужа. Это была самая большая жертва, которую ты могла принести во имя любви. Но осознал слишком поздно – уже после твоего ухода в мир вечного покоя» [5, 130]. Герой Айпина не вникает в смысл происходящего. Жертвенность возлюбленной он осознает только после ее смерти. И только тогда, словно озарение, осознает, насколько сильно женщина любила его.

Образ Возлюбленного Айпин создал реалистичным, герой восхищается тем, что видит, не создает иллюзий, тайн. Возлюбленный у Айпина восхищается женщиной: «Вот девка – нигде не пропадет!» [7, 64], «<...> а ты совсем красавицей стала, Ирина!» [5, 63].

Создавая образ Влюбленной женщины, автор прибегает к помощи флористических сравнений и аналогий с водными источниками: «Глаза – два бездонных озера. Можно в них утонуть. Волосы – нежные иглы кедрочей. Ресницы – опушка на вершинке молодой елочки. Тело – что у гладкоствольной пихты» [5, 63], «льющиеся чистым родником твои медно-лиственничные волосы <...> лесной запах твоих волос» [5, 134], «Почти прозрачная, словно капелька воды из родника. <...> Но самыми выразительными на ее лице оставались глаза. Это два, с опять очень черной водой, огромных округлых озера, мечущие искры черного огня» [5, 187]. Чаще всего обращает внимание писатель на глаза влюбленной героини. Глаза – отражение ее душевных переживаний и надежд.

В ранних рассказах, как мы уже отметили выше, автор устами героя изображает женщину, подобную фее: «Ты напомнила мне лесную фею» [5, 63], в более поздних рассказах образ Влюбленной трансформировался из феи в колдунью, т.е. появляются черты ведьмовства, демонизма: «Несомненно, в ней было что-то такое, необъяснимое, мистическое, мифиче-

ское, колдовское. <...> В ее глазах появились бесенята» [5, 195].

В рассказе «Парижанка» Айпиным впервые вводится оценка-портрет женской красоты, высказанная устами героя: «Вирджинию нельзя назвать красавицей, но на нее приятно было смотреть. Стройная, высокая, тонкая. Почти прозрачная, словно капелька воды из родника. Волосы такие длинные и черные, кажется, чернее не бывает. И брови черные, тонкие, длинные и очень подвижные, реагирующие на каждое его слово и малейшее движение» [5, 187].

Возлюбленный в рассказах Айпина переживает за женщину, любящую его, старается оградить от лишней боли: «Господи, как же ты теперь станешь жить?! Каково тебе?! Я больше беспокоился за тебя. Хотел, чтобы и тебе было хорошо, чтобы у тебя не было проблем» [5, 129], «Плачут, когда больно. Не хочу, чтобы вам было больно» [5, 196]. Даже при отсутствии чувств у Возлюбленного, он не отталкивает Влюбленную, а относится к ней с пониманием и сдержанностью: «Потом взял ее за протянутые к нему руки и хотел поцеловать в щечку, но она подставила губы. И он сухими губами прикоснулся, вздрогнув от неожиданности, к ее полуоткрытым губам. После подумал: значит, у них так принято. А еще пришла мысль: с ней что-то происходит» [5, 184]. Возлюбленный склонен к самоанализу, безответность чувств рождает угрызения совести за загубленную жизнь Влюбленной героини: «Вот где мой грех, вот кого я погубил, подумал он, вспомнив про вещего глухаря – шамана. Вовремя не увидел, не понял, не почувствовал боль девушки» [5, 68].

Обостренность осязательных и зрительных ощущений (запахов, вкусовых переживаний, тактильного восприятия тепла и яркость цветописы), столь характерная для описания состояния влюбленности, в восприятии Возлюбленного полностью отсутствует. В состоянии влюбленности герой тонко воспринимает все изменения природы: резкий ветер, журчание ручья, испепеляющий огонь. В более поздних произведениях о безответности чувств героя к Влюбленной свидетельствует характерно подобранная гамма цветов, отсутствие запахов. Цветы, подаренные Вирджинии, поздние и без запаха: «Он вручил ей букет поздних, без аро-

мата, но очень красивых парижских цветов» [5, 184].

Возлюбленный в рассказах Айпина смотрит только на внешность женщины, не заглядывая в душу. Интересна и трансформация мотива тепла, в ранних рассказах видим тепло, переходящее в испепеляющий огонь. А в более поздних произведениях герой леденеет от прикосновений влюбленной женщины: «Но тут она еще сильнее прильнула к нему. И он застыл, будто оледенев, никак не отвечая на поцелуй» [5, 198].

Передавая влюбленность женщины, автор использует уже не белый цвет, символ чистоты и непорочности, а черный и красный. Влюбленная женщина у Айпина уже без светлых локонов, внешность героини приобретает лоск, светскость, искушающе-порочный ореол, что наводит на мысль о сходстве с дьяволом: «Она была одета в прозрачное черное вечернее платье, под которым тоже было видно черное прозрачное белье» [5, 187], «Она надела тонкое и черное, как и платье, пальто из очень мягкой и приятной на ощупь ткани. Тряхнула своими черными волосами <...>» [5, 195]. Красный цвет одежды Влюбленной разжигает в герое плотское влечение: «Селесте на вечере не было. Она появилась только к концу приема. Вся вечерняя. С высокой прической. В вечернем темно-красном платье. Узком, облегающем талию и длинном до пят» [5, 104].

Времена года вновь, как и в образе Влюбленного, определяют отношения героев и чувства Возлюбленного. Присутствие осени в рассказе «Парижанка» не предвещает близких и долгих отношений между героями: «На улице, под навесом крыльца, он остановился, снял берет и расстегнул плащ. Ему стало жарко. Глубоко вдохнул влажный, приятно освежающий воздух осеннего города. И направился в отель» [5, 198]. Отношения Чухновского и Маши Оболкиной начинаются в суровые зимние месяцы, символизирующие краткость и недолговечность отношений. Хотя именно ледяная вода и сорокаградусный мороз после трехлетней разлуки разжигают пламя любви в сердцах Никиты и Татьяны в рассказе Айпина «Старшой».

Категория времени в отношениях Возлюбленного и Влюбленной варьируется от не-

скольких недель до десятков лет. Продолжительность отношений командира красных и Маши Оболкиной Чухновский определил таким образом: «Ну, неделку туда, до их логова. Столько же понадобится на обратную дорогу. Там неделка-другая понадобится. За месяц управлюсь. Больше не потребуется».

- А если затянется?

- Ну, такому не бывать. Управлюсь быстро. У меня опыт большой. Недаром же бросили сюда. Не к теще на блины» [7, 63]. Чухновский, рассуждая о том, сколько времени ему потребуется подавить восстание остяков, определил тем самым продолжительность отношений. Герой изначально ставит девушку перед фактом, отношения героев закончатся после подавления восстания. Алексей Иванович и тетя Вера прошли испытания жизни и в зрелом возрасте мечтают о совместной жизни: «Когда это все кончится? До каких пор я буду твоим хвостом, я же не девочка, а ты все тянешь и тянешь... Вот уеду, и ты меня больше не увидишь. Знаешь, я слов на ветер не бросаю. Стыдно людям в глаза смотреть, бегаем, как дети...

- Через две недели решится, вот увидишь, все будет хорошо. Теперь дети выросли, раньше я из-за них не мог...» [4, 96].

В ранних рассказах автор создает образ героя-однолюба: «Я любил тебя больше всех на этом свете. Больше, сильнее, веселее и добрее, чем все остальные, кто встречался на твоём пути» [5, 138], «Какое это блаженство лежать рядом с любимой в мире вечного покоя... Ничто уже не тревожит, не беспокоит. Мы вместе навеки. И никто и ничто нас уже не разлучит» [5, 136]. В поздних рассказах герой уже пресыщен женской красотой: «<...> женщины обычно в нем души не чаяли, если узнавали поближе. Особенно когда в школе работал. Опытные дамы в нем сразу же распознавали неутомимого любовника: туловище было длиннее, чем ноги. Верный признак. С годами он тоже почти безошибочно стал разбираться в женщинах» [5, 67].

Возлюбленный у Айпина увлекается женщинами, но кроме симпатии, чувств искренних и трепетных он не испытывает. Порой герой безразлично относится к чувствам Возлюбленной: «Вовремя не увидел, не почувствовал боль девушки. Зачерствела, заскорузла душа в

повседневной чиновной суете» [5, 68]. В поздних рассказах герой становится осторожным, одно из его правил гласит: «Держитесь подальше от малознакомых женщин» [5, 189]. Возлюбленный порою пугается натиска Возлюбленной женщины: «<...> Он думал, что она проводит его до низа и вернется домой. Но она уверенно открыла дверь и вместе с ним вышла на улицу. <...> Молча и совсем естественно, как будто делала это много раз, она взяла его под руку» [5, 184].

Лирический герой Айпина образован, эрудирован, свободно цитирует пушкинские строки: «Два чувства дивно близки нам // В них обретает сердце пищу // Любовь к родному пепелищу // Любовь к отеческим гробам...» [5, 191].

Во всех произведениях автор, так или иначе, упоминает о Родине лирического героя: «Ты согревала Вселенную. Всю. Ты согревала и дом моего отца на далеком Севере, и наш сосновый белоягельный бор, и наши озера, и нашу реку, и нашу Богиню» [5, 14]. Герой нехотя рассказывает Возлюбленной о Сибири: «Снега и льды, – сказал я. Больше ничего. Лето, правда, короткое, но такое же жаркое, как в Рио. А мой дом представить очень просто. Надо сесть на пляже лицом к океану. Там у меня такой же белый-белый песок, как и здесь на пляже. Вместо Атлантики – синяя река. А за спиной вместо городских высоток – сосны, зеленый-зеленый бор. И в этих соснах, на крутояре, – мой дом» [5, 105]. В более поздних рассказах герой с любовью и трепетом относится к Родине: «Да, народ у нас гостеприимный, хлебосольный, искренний. Все-таки приятно, когда хорошо говорят о твоей родине. Он давно заметил, что чем больше едешь по дальним заграницам, тем дороже становится твоя собственная страна. Чем дальше ты от своей родины, тем она тебе дороже» [5, 190]. Герой заботится о своих земляках: «Вообще люди, приходившие с родовых угодий и тихих сел-деревень, в бурно растущем городе чувствовали себя очень неудобно, словно дети малые. Не знали, куда идти, к кому обратиться, как доехать до того или иного места. Часто с ними приключались разные истории, их детской доверчивостью пользовались предприимчивые дельцы – спаивали, обкрадывали,

обманывали. Вот и проторили тропку к Андреевичу за помощью. А он не мог почти ни в чем отказать» [5, 57]. За что герой и пользуется уважением населения: «Уважил, уважил, Иван Андреевич! Почитай, бабу мою впервой так в городе приняли!» [5, 55], «В Учреждениях, увидев его в окно, обычно люди говорили: «Иван Андреевич со свитой». Старались всегда помочь, просто язык не поворачивался ему отказать. Тем более не за себя хлопотал. А за людей он настырный, просто так не отмахнешься» [5, 56].

Таким образом, видим, что через образ Возлюбленного писатель показал одну из граней взаимоотношений женщины и мужчины в своих произведениях. Образ Возлюбленного – одна из составляющих образа лирического героя в произведениях Е.Д. Айпина. Автор представил читателю образ противоречивый. С одной стороны, он способен сострадать, чувствовать чужую боль, помогать – яркий пример этого – Иван Андреевич из рассказа «В полете в бездну». Противоположность ему Чухновский – командир красной армии, жестокий, чуждый сострадания и милосердия: «Без нас подохнут» [7, 24].

Создавая образ Возлюбленного, Айпин использует портретные детали, наблюдается наличие имен собственных у героев, есть указание на профессию и семейное положение. В образе Возлюбленного автор более конкретен, чем при создании образа Влюбленного. Но здесь нет тонкого лиризма чувств. Герои руководствуются лишь плотскими влечениями, разум преобладает над чувствами.

Таким образом, рассмотрев образ Возлюбленного в прозе Айпина, выявили ряд отличий, не характерных для образа Влюбленного. Во-первых, Айпин создает образ Возлюбленного конкретным, реалистичным. Складывается впечатление, будто у героя есть прототип. Автор словно описал реально существующего человека. Присутствуют в образе Возлюбленного и портретные черты, выделяющие героя из общей массы, есть имена собственные. У героя можно определить возраст, семейное положение, сферу профессиональных интересов. Образ Возлюбленного лишен эмоций. О глубоких чувствах Возлюбленного здесь говорить не приходится. Ощущение тепла, при-

сутствующее в ранних рассказах, сменяется оледенением героя в более поздних произведениях.

Время суток также играет определенную роль в произведениях автора: утром помыслы героев чисты, но с наступлением вечера желания меняются. Наблюдается трансформация от ангела к демону как в героине, так и в герое. Эта традиция просматривается как раз в поздних рассказах Айпина: купание Селесте и Джереми в ночном океане, прощание Вирджинии и писателя, встреча студентки Ирины и Ивана Андреевича. В ранних рассказах автора встречи героев преимущественно происходят в дневное время, это свидетельство чистоты и искренности чувств.

Отличие образов проявляется и в определении пространства, в котором происходит встреча с женщиной. При создании образа Влюбленного автор пользовался открытым пространством природы: парк, пляж, улицы города, берега реки: «<...> мы с ней со ступенек дома спустились к речке и сели в кресла» [5, 104], «После завтрака мы обычно уезжали в горы» [5, 22], «В твоём же сосновом парке, когда мы прогуливались в очередной мой приезд <...>» [5, 132]. Открытость пространства символизирует влюбленность героя, его чувства не помещаются в замкнутом пространстве. Молчаливость и робость героя автор выразил безграничным пространством природы. В более поздних рассказах, где герой является Возлюбленным, пространство напротив ограничено. Все действия разворачиваются внутри квартиры, комнаты: «Потом она напомнила о его недавнем звонке и предложила поужинать у нее дома, на следующий день, в 19 часов, если у него нет других планов. Он поколебался немного и сказал, что, может быть, следует сходить на ужин в ресторан или кафе, чтобы не стеснять ее. На что она ответила, что ей удобнее как раз устроить ужин дома. Он посмотрит ее дом. А заодно познакомится с ее мужем» [5, 182], «А сам взял рюкзак и направился к гостинице Совета. Точнее, это была одна комната с кроватью и диваном, с отдельным входом, где обычно останавливались старшие чиновники района. <...> Постучалась. Вошла. Он помог ей раздеться» [5, 59]. Замкнутое пространство свидетельствует скорее о безответных чувствах

героя. Симпатия и плотское влечение героя имеют ограничения – разум выше чувств. Замкнутость, скрытость от посторонних глаз, помогают утаить и не привлекать внимание посторонних к влюбленности героини.

В рассказах «Старшой», «В мир вечного покоя», «Река-в-Январе, или Рио-де-Жанейро» лирический герой представлен в двух ипостасях – он Влюбленный и Возлюбленный. В рассказе «Старшой», с одной стороны, Никита любит свою бывшую жену, несмотря на трехлетнюю разлуку, но в то же время любят и его.

Лирический герой, сочетающий в себе черты Влюбленного и Возлюбленного, – это синтетический переходный подтип лирического образа в прозе Айпина. Герои Айпина, испытывающие взаимные чувства, изображены автором готовыми к жертве ради любимого человека. Это можно увидеть со стороны Влюбленного и Возлюбленной: «Только намного позже я понял, что с того мгновения у тебя не стало мужа. Это была самая большая жертва, которую ты могла принести во имя любви» [5, 56]. Новый подтип лирического героя страдает, когда любимой нет рядом: «Я писал тебе каждый день. Ты мне отвечала. Конечно, не ежедневно. У тебя забот больше, чем у меня. А в конце зимы не выдержал – приехал к тебе»

[5, 128]. Герой думает и скучает о своей возлюбленной: «Они (*письма – авторы*) неслись к тебе в каждую секунду нашей жизни. Я жил только этим. Только ожиданием твоих писем» [5, 132].

Характерной особенностью лирического образа можно назвать молчаливость героя, его скрытность в проявлении чувств. Герой любит тайно, ни в одном из произведений он не признался женщине в своих чувствах, не раскрыл свою душу. Герой робок и трепетен к Возлюбленной. Автор выразил чувства героя на бумаге, не прибегнув к откровениям. В поздних рассказах ведущую роль в отношениях берет на себя созданный автором образ женщины. В них героиня становится настойчивой и зачастую добивается своей цели. Часто она признается в своих чувствах к Возлюбленному, а герой спокойно наблюдает за поведением Влюбленной.

Айпин на примере своих произведений показал, как могут любить мужчина и женщина. Автор создал образ лирического героя крайне противоречивым. Такое противоречие, перемены и трансформации, присущие лирическому образу, определяющие эволюцию авторских взглядов, можно увидеть только при сопоставительном анализе раннего и позднего творчества писателя.

Литература

1. Роговер Е.С. Творчество Еремея Айпина. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. 140 с.
2. Рычкова Ольга. Уносимые ветром // Мир Севера. М., 2008. – № 6. – С. 54.
3. Кунук Татьяна. Отстоять красоту земли своей // Мир Севера. М., 2008. – № 6. – С. 42.
4. Айпин Е.Д. В ожидании первого снега: Повести. М.: Сов. Россия, 1990. 160 с.
5. Айпин Е.Д. Река-в-Январе: Сборник рассказов. СПб., 2007. 208 с.
6. Айпин Е.Д. Клятвопреступник. М.: Русло, 1993. 423 с.
7. Айпин Е.Д. Божья Матерь в кровавых снегах. Екатеринбург: ПАКРУС, 2002. 304 с.

References

1. Rogover E.S. Tvorchestvo Eremeja Ajpina. Hanty-Mansijsk: Poligrafist, 2007. 140 s.
2. Rychkova Ol'ga. Unosimye vetrom // Mir Severa. M., 2008. – № 6. – S. 54.
3. Kunuk Tat'jana. Otstojat' krasotu zemli svoej // Mir Severa. M., 2008. – № 6. – S. 42.
4. Ajpin E.D. V ozhidanii pervogo snega: Povesti. M.: Sov. Rossija, 1990. 160 s.
5. Ajpin E.D. Reka-v-Janvare: Sbornik rasskazov. SPb., 2007. 208 s.
6. Ajpin E.D. Kljatvoprestupnik. M.: Ruslo, 1993. 423 s.
7. Ajpin E.D. Bozh'ja Mater' v krovavyyh snegah. Ekaterinburg: PAKRUS, 2002. 304 s.